Нортенгерское аббатство

Автор:
Джейн Остен

Нортенгерское аббатство

Джейн Остен

Может ли история любви сочетать в себе романтизм и искрометный юмор? Способна ли история приключений одновременно захватывать и смешить? Может, если речь идет о романе Джейн Остин «Нортенгерское аббатство». Самая ироничная и самая озорная книга Джейн Остин.

Джейн Остин

Нортенгерское аббатство

Глава 1

Никто из тех, кто когда-либо видел Кэтрин Морланд в детстве, и не мог предположить, что она родилась, чтобы стать романтической героиней. Положение в обществе, характер родителей, ее личные качества и нрав — все это в равной степени делало подобную мысль абсурдной. Отец ее был священником, не знавшим забот и нужды, в общем, вполне респектабельным человеком, даже несмотря на то, что звали его Ричард, — но при этом он никогда не слыл привлекательным мужчиной. У него было два богатых прихода и полная независимость, и посему воспитание дочерей заботило его меньше всего. Мать девочки казалась дамой простой, с практическим складом ума, ровным характером и, что самое интересное, отличалась приятным телосложением. До Кэтрин она дала жизнь трем сыновьям и вместо того, чтобы

тихо отойти в мир иной при родах дочери, что по тем временам было бы вполне естественным, она продолжала жить и, более того, родила еще шестерых, вырастила их и при этом чувствовала себя великолепно. Семья, в которой десять душ детей, — всегда прекрасная семья, особенно если числу отпрысков соответствует нужное количество голов, рук и ног; однако, Морланды имели собственное понятие о прекрасном — в целом все они отличались простотой нравов, и в течение многих лет Кэтрин не была исключением. Она росла тощим и достаточно неуклюжим ребенком, с нездоровой и какой-то бесцветной кожей, темными прямыми волосами и грубыми чертами лица, — большего о ней и сказать-то, пожалуй, нечего, кроме того, что в ту пору о героизме она и не помышляла. Ей нравились все мальчишечьи игры, а крикет она предпочитала не только куклам, но и остальным детским забавам, требующим определенной доли самоотверженности, как-то: воспитанию домашней сони, кормлению канарейки и поливке розовых кустов. По правде говоря, задатков к садоводству она не имела вовсе, и если все же когда-нибудь она и собирала, к примеру, цветы, то делала это скорее из склонности к шалостям — такой вывод напрашивался сам собой, поскольку букеты составлялись ею исключительно из тех цветов, что категорически запрещалось рвать. Вот такие были у нее пристрастия; что до способностей девочки, то и они казались столь же необычными. Ей никогда не удавалось понять и заучить что-то, если это что-то доходчиво не объяснялось ей на пальцах; впрочем, и это не служило достаточной гарантией, поскольку девочка в целом была невнимательна, а иногда и просто глупа. Три долгих месяца билась мать, чтобы ее чадо наконец-то выучила «Молитву нищих», и все же Салли, вторая дочь, впоследствии заметно лучше цитировала этот стих. Однако, не подумайте, что Кэтрин была тупым ребенком, — ни в коем случае: «Сказку о Кролике и его друзьях» она запомнила столь же быстро, как и любая другая девочка в Англии. Матери хотелось, чтобы ее дитя занялось музыкой, и все говорило за то, что Кэтрин непременно ею займется, ведь нравилось же ей, в конце концов, терзать клавиши несчастного старенького спинета; таким образом, в восемь лет от роду она приступила к занятиям. Проучившись год, девочка развила стойкое отвращение к музицированию, и миссис Морланд, которая никогда не тиранила дочерей, а напротив, принимала во внимание их порывы, позволила занятия прекратить. День, когда учитель музыки пришел за расчетом, стал одним из самых счастливых в жизни Кэтрин. Талантом живописца, судя по всему, Создатель девочку не наделил, хотя, чтобы быть совсем уж точным, следует признать, что если ей и перепадал конверт от родительского письма или любая другая столь же неподходящая бумажка, она тут же, в соответствии со своими способностями, принималась за изображения домов и деревьев, кур и цыплят, и при этом нельзя было с уверенностью сказать, что здесь именно нарисовано. Письму и счету ее выучил отец, французскому —

мать: ни в одной из этих наук она не преуспела и при первой же возможности от уроков отлынивала. Что за странный, необъяснимый характер! — ведь при всех этих опасных симптомах в десять лет она оставалась добрым и мягким ребенком, редко упрямилась, никогда ни с кем не ссорилась, а в младших и вовсе души не чаяла, если не считать нескольких, весьма не многочисленных приступов тирании. И в то же время она бывала шумной и необузданной, ненавидела любые запреты и чистоту, а больше всего на свете обожала скатываться по зеленым перилам в задней части дома.

Вот такой была Кэтрин Морланд в десять лет. В пятнадцать черты ее смягчились, ей понравилось завивать волосы и ездить на балы; лицо приобрело здоровый оттенок, фигура округлилась, а в глазах появился какой-то огонек. Любовь к грязи сменилась увлечением пышными нарядами, и она выросла столь же чистой, сколь и сообразительной; теперь все чаще мать и отец отмечали разительные перемены в дочери: «Кэтрин становится очень приятной девушкой, сегодня она почти красавица», — и слова эти ласкали ее слух! Стать почти красивой, пожалуй, гораздо большее наслаждение, особенно для девочки, которую первые пятнадцать лет жизни просто не замечали, чем получить красоту от Господа еще в колыбели.

Миссис Морланд была хорошей женщиной и стремилась вложить в своих детей все самое лучшее, однако вся жизнь ее протекала в родах и пестовании младших, в то время как старшие дочери росли сами по себе. Поэтому не удивительно, что Кэтрин, по натуре своей совсем не героиня, в четырнадцать лет любила крикет, бейсбол, лошадей и беготню по окрестным полям, явно предпочитая все это книгам, по крайней мере тем, что несли в себе знания; впрочем, если в рассказах не было морали, то против них она ничего не имела. Но в возрасте с пятнадцати до семнадцати лет девушка начала активную подготовку к будущей роли; она прочла все книги, что обязана знать настоящая героиня, дабы в памяти прочно закрепились все те полезные и разящие наповал цитаты, что так необходимы в судьбах, полных различных превратностей.

От Поупа она узнала слова порицания в адрес тех, кто

…Рожден насмешничать над скорбью и кручиной.

Грей поведал ей

…Сколь многие цветы явятся в мир,

Дабы расцвесть в юдоли нелюдимой,

Растратить красоту и аромат

И смерти ждать, увы, неотвратимой.

Томпсон поразил воображение фразой:

О, что за наслажденье обучать

Младых искусству правильно стрелять.

А среди прочей пишущей братии Шекспир, пожалуй, оказался просто кладезем мудрости:

Пустяк, что легче воздуха порой,

В глазах ревнивца станет глыбой камня

По твердости и ясности своей

Сравнимой только со Святым Писаньем.

Или:

Лик Смерти одинаково ужасен

И для букашки мелкой,

И гиганта.

О влюбленной девушке ей запали в душу слова:

Как статуя Терпения застыв,

Она своим страданьям улыбалась!

Таким образом, перемены в Кэтрин, действительно были налицо; она не могла писать сонеты, и что ж? — зато она могла заставить себя их читать; не беда, что

ее шансы повергнуть в восторг публику, сыграв прелюдию собственного сочинения, равнялись нулю — ведь она вполне овладела искусством слушать чужие произведения с легким оттенком скуки на лице. Пожалуй, самым большим ее недостатком стало полное невладение карандашом — она и понятия не имела, с какого конца за него взяться, — таким образом, отпадала даже малейшая возможность попытки набросать профиль дорогого человека. В этом-то и крылось главное препятствие на пути к героическим высотам. Однако, справедливости ради стоит заметить, что в тот момент она не осознавала собственную ущербность в данной области, ведь дорогого человека, чей портрет стоило бы написать, у нее не было. Итак, достигнув семнадцати лет, она так и не встретила ни одного любезного сердцу юношу, который заставил бы ее трепетать, она не стала предметом жгучей страсти и даже не была обожаема, а все знакомства казались непримечательными и мимолетными. Поистине странно! Однако, такой ход событий становился вполне объяснимым при более пристальном рассмотрении. В окрестностях не поселился ни один лорд, не водились там даже завалящие бароны. Среди знакомых семейств ни одно не воспитывало подкидыша, найденного на пороге в грозовую ночь. Не знали по соседству молодых людей, чье происхождение скрывала бы тайна. У отца не было воспитанника, а у владельца прихода — детей. Но уж если юная леди решила стать героиней, то даже активное сопротивление сорока соседствующих семей не в силах ей помешать. Что-нибудь должно, просто обязано наставить героя на истинный путь.

Мистер Аллен, владелец большей части недвижимости в окрестностях Фуллертона, Вилтширской деревушки, где жили Морланды, отправлялся в Бат для лечения подагры; его жена, вполне добросердечная женщина, души не чаявшая в мисс Морланд, скорее всего четко осознавала, что если приключения до сих пор не обрушились на голову этой славной девушки в ее родной деревне, то их стоит поискать вдали от отчего дома, и посему она пригласила ее поехать вместе с ними. Мистер и миссис Морланд были полностью согласны, а Кэтрин — абсолютно счастлива.

Глава 2

В дополнение к тому, что мы уже сказали о Кэтрин Морланд, ее личных качествах и умственных способностях, кои она обнаружила накануне предстоящего шестинедельного пребывания в Бате, обещавшего изобиловать

трудностями и опасностями, возможно, для большей ясности нашему читателю следует знать о том (если только, разумеется, дальнейшее повествование не запутает его окончательно и он все же составит себе четкую картину того, что за девушкой стала наша героиня), что сердце у нее было отзывчивым, нрав приветливый и открытый, не знала она ни чванства, ни жеманства — все нынешние ее манеры являлись ни чем иным, как просто заменой детской неуклюжести и застенчивости; в общем, Кэтрин производила впечатление приятной, а в удачные дни даже хорошенькой девушки, может, лишь чуточку невежественной, ну да кто не грешит этим в свои семнадцать.

Когда приблизится час разлуки, беспокойство миссис Морланд достигнет, безусловно, крайней степени. Дурные предчувствия о страшной участи бедняжки на чужбине ревущим потоком обрушатся и захлестнут мать, погрузив ее в бездну печали и слез, по крайней мере, на день-другой, что судьба оставит им до расставания; маленькая спальня еще услышит прощальный совет, полный горького знания и мудрости, что слетит в скорбный час с губ матери. Сердце ее сожмется и выплеснет наружу все то, что известно ей о ветреных баронах и лордах, находящих особое удовольствие в том, чтобы обманом и силой завлечь невинную душу на какую-нибудь дальнюю ферму и там!..

Вы и правда, во все это поверили? Но ведь миссис Морланд ровным счетом ничего не знала о похотливости знати, и душу ее не терзали мрачные предвидения злого рока, выпавшего на долю дочери. Все, о чем она собиралась предупредить девушку, и, кстати, это и сделала, уместится в нескольких следующих строках: «Кэтрин, умоляю тебя одеваться потеплее, и обязательно закутывать горло, особенно если соберешься погулять вечерком. И еще я бы советовала вести строжайший учет расходам, для этого я тебе даже блокнот дам».

Салли, или, скорее, Саре (ибо редкая знатная леди, дожив до шестнадцати, так и не соберется поменять своего имени) была уготовлена роль если уж не духовника, то сердечной подруги Кэтрин. При этом стоит заметить, что та вовсе не настаивала, чтобы сестра писала ей при первой же возможности, равно как не вытягивала из нее обещания подробно обрисовывать каждого нового знакомого и цитировать запавшие в душу фразы из диалога с ним. Все, что зависело от Морландов в подготовке к поездке, было обставлено с завидной скромностью и хладнокровием и полным учетом жизненных реалий; это делало отъезд Кэтрин вовсе не похожим на первую разлуку романической героини с отчим домом. Отец не только не предложил ей полную свободу распоряжаться

собственным счетом в банке, но даже не вложил ей в руку чек на сто фунтов; вместо этого он выдал десять гиней, обещав, правда, выслать еще, если потребуется.

Вот при таких не самых многообещающих обстоятельствах прошло расставание и началось путешествие, кое было организовано с учетом нехитрого комфорта и скучной безопасности. В пути грабители упорно их избегали, на горизонте не виднелись признаки ураганов, а герои, очевидно, ехали по другим дорогам. Не было тревог и терзаний, достойных описания, разве что миссис Аллен однажды решила, что забыла свои башмаки в придорожной таверне, да и те, к счастью, нашлись.

Вскоре показался Бат. Кэтрин трепетала в предвкушении наслаждений, бросая взгляды то туда, то сюда, и вообще повсюду окрест на пути к гостинице. Она приехала, чтобы стать счастливой, и уже сейчас была таковой.

Без лишних промедлений путешественницы обосновались в удобных номерах на Пултни-стрит.

Сейчас будет уместным в нескольких словах описать миссис Аллен, дабы читатель сам мог судить, какую роль суждено сыграть этой даме в главной интриге нашей повести и каким образом придется ей блюсти бедную Кэтрин от опрометчивости, вульгарности и зависти на пути, полном соблазнов, на которые мы столь явно намекали в предыдущих строках. Миссис Аллен была из той многочисленной породы женщин, в обществе которых не перестаешь удивляться, где же они находят себе мужчин, что умудряются их полюбить достаточно крепко для женитьбы. Красота, одаренность, воспитание и даже хорошие манеры не принадлежали к числу ее достоинств. Возможно, что-то отдаленно напоминавшее изящность, пассивность натуры и склонность к милым пустякам в конце концов решили выбор мистера Аллена, к слову, весьма разумного и тонкого человека. Лишь по одной причине эта дама полностью подходила на роль матроны, выводящей в свет юную леди: она совсем по-девичьи наслаждалась новыми впечатлениями и удовольствиями. Наряды были ее страстью, а прихорашивание — невинной слабостью. По этой причине выход на сцену откладывался дня на четыре, в течение которых тщательно изучались туалеты всех прохожих, дабы выяснить, что нынче носят, а затем скупались платья в соответствии с последней модой. Кэтрин также сделала несколько покупок, суета наконец улеглась, и пришел тот самый вечер, когда состоялся ее триумф. Лучшие руки города стригли и убирали волосы девушки, самые

придирчивые взоры следили за процессом одевания и, наконец миссис Аллен, а равно и ее горничная сочли внешность Кэтрин безупречной. При таких отзывах девушка надеялась, что, по крайней мере, просто пройти через толпу ей удастся, не покраснев. Что до восторгов, то они были бы очень кстати, а впрочем, на нет и суда нет.

Миссис Аллен так долго провозилась со своим нарядом, что на бал они поспели уже ближе к концу. Сезон был в самом разгаре, зал переполнен, и нашим дамам пришлось проявить чудеса изворотливости, чтобы втиснуться внутрь. Что до мистера Аллена, то он прямиком направился к карточным столам, оставив своих спутниц наслаждаться толпой. Заботясь, пожалуй, скорее о собственном вновь приобретенном туалете, чем о подопечной, миссис Аллен провела Кэтрин через шеренгу мужчин, сгрудившихся у входа, так быстро, как того позволяли приличия. Девушка держалась рядом, крепко уцепившись за руку товарки, чтобы не быть с нею разъединенной чьим-нибудь неловким движением. К удивлению своему, дамы вскоре обнаружили, что пройти внутрь зала вовсе не означало выбраться из толчеи; по мере их продвижения вперед она, похоже, лишь нарастала, и уж, конечно, и речи быть не могло о том, чтобы найти свободные места и любоваться танцующими парами с относительным комфортом. С нечеловеческими усилиями пробившись через все помещение, дамы обнаружили, что и на другом конце зала суматоха царила невероятная, а единственное, что хоть как-то намекало на танцы, — это где-то вдалеке над головами покачивающиеся перья. И все же на месте стоять не приходилось — впереди маячило подобие просвета; вновь проявив чудеса акробатики, подруги оказались в дальнем проходе у высоких скамей. В целом толпа никуда не исчезла, а лишь сместилась чуть вниз, и взору мисс Морланд предстала, наконец, относительно полная панорама собрания. Вид открывался восхитительный, и впервые за этот вечер Кэтрин почувствовала себя действительно на балу. Ей хотелось танцевать, но здесь не было ни одной знакомой души. Миссис Аллен делала все, что могла в подобных обстоятельствах, время от времени повторяя с совершенно безмятежным блаженством:

— Душечка, мне бы хотелось, чтобы ты потанцевала, — я хочу, чтобы ты нашла себе кавалера.

Некоторое время Кэтрин чувствовала что-то вроде благодарности за такие пожелания, но они звучали так часто и были столь очевидно бесполезны, что вскоре она утомилась, и вся признательность на том иссякла.

Бал шел своим чередом, и вскоре дамы вынуждены были оставить свои позиции, завоеванные столь тяжким трудом: толпа пришла в движение, поскольку подавали чай, и им пришлось крутиться вместе со всеми. Кэтрин ощутила легкое разочарование — ее утомляла постоянная давка, многоликая куча народу не сулила ничего интересного, и ей решительно не с кем было переброситься словечком, поскольку знакомые по-прежнему не появлялись, отчего ощущение тюремного заключения только усиливалось. У чайных столов, без друзей, без галантного кавалера, девушка окончательно почувствовала себя брошенной и одинокой. Мистера Аллена не было видно; тщетно поискав выхода из создавшегося плачевного положения, нашим дамам, в конце концов, пришлось сесть к столу, где уже собралось большинство присутствовавших, изнывая от тоски и не имея лучшей компании для приятной беседы, чем друг друга.

Миссис Аллен поздравила себя с тем, что в той умопомрачительной толчее ей все же удалось сохранить наряд невредимым:

— Я не вынесла бы, если б платье порвалось, — сказала она. — Муслин так тонок! А на всем балу я совершенно не нашла ничего хорошего.

— Я чувствую себя ужасно неловко, — заметила в ответ Кэтрин, — ведь здесь нет ни одного знакомого!

— Увы, душечка, — с непоколебимой безмятежностью ответствовала миссис Аллен, — действительно очень ловко.

— Что же нам делать? Все леди и джентльмены здесь выглядят так, словно не понимают, зачем мы сюда явились. Похоже, будто мы им навязываемся.

— Но ведь так оно и есть, как это не печально. Как жаль, что мы не завели себе много знакомств.

— Как жаль, что мы не завели их вообще. Нам и подойти-то не к кому.

— Ох, ты права, дорогуша; кабы мы здесь кого знали, то уж точно бы к ним прибились. В прошлом году сюда приезжали Скиннеры. Вот бы они здесь были нынче!

— Не лучше ли нам вообще уйти? Нам даже приборов не хватило.

— И правда. Какая досада! Но сдается мне, лучше нам пока посидеть — вокруг такой хаос! Милая, что у меня с прической? Кто-то меня толкнул, и мне показалось, что она окончательно рассыпалась.

— Вовсе нет, выглядит хорошо. Но, дорогая миссис Аллен, вы точно уверены, что в этой массе народа никого не знаете? Мне кажется, вы должны кого-нибудь знать.

— Да Бог его знает. Хотелось бы, чтобы это было так. Всем сердцем желаю я, чтобы нашлись какие-нибудь приятели, и тогда мы бы подыскали тебе достойного кавалера. Я была бы так рада, если бы ты могла потанцевать! Ой, смотри, какая странная леди. Какое нелепое на ней платье! И такое старомодное! Посмотри на ее спину.

Немного погодя какой-то из соседей по столу предложил дамам по чашке чая, что было воспринято с горячей благодарностью, которая, вполне естественно, вылилась в приятный разговор, между прочим, единственный за целый вечер. Когда танцы закончились, объявился мистер Аллен.

— Итак, мисс Морланд, — обратился он без обиняков, — надеюсь, вы хорошо повеселились.

— Лучше некуда, — ответила она, усиленно борясь с зевотой.

— Мне так хотелось, чтобы она потанцевала, — вступила в разговор жена. — Нам непременно следует найти ей подходящего кавалера. Я уже говорила, что была бы очень рада Скиннерам. Отчего бы им вместо прошлой зимы не приехать сюда нынче! Или хотя бы Перри объявились, ну те, помнишь, о которых они нам рассказывали. Тогда бы Кэтрин могла танцевать с Джорджем Перри. Так жаль, что нам не встретился достойный кавалер!

— В следующий раз нам обязательно повезет, — утешительно подытожил мистер Аллен.

После танцев гости начали расходиться; их осталось ровно столько, чтобы можно было свободно прогуливаться по залу. Именно теперь наступило нужное время для героини, ранее не успевшей сыграть свою роль; настал час быть замеченной и обожаемой. Каждые пять минут толпа редела, освобождая все больше места. Теперь на барышню смотрело множество молодых людей, ранее затерявшихся в толпе. Однако, похоже, ни один из них не собирался обрушить на нее поток страстных признаний, удивленный шепот не носился среди присутствующих, и никто не назвал ее богиней. И все же выглядела Кэтрин очаровательно, а уж если бы кто из гостей встретился с ней три года назад, то сегодня ее назвали бы безупречной красавицей.

На нее все же смотрели, и в целом не без восхищения; краем уха она услышала, как какой-то джентльмен в беседе с приятелем назвал ее «милой девицей». Эти слова возымели должный эффект, и вечер уже не казался таким безнадежным, как в самом начале. Застенчивость исчезла, и Кэтрин почувствовала такую признательность тем двум мужчинам за нехитрую похвалу, какая по силе своей могла бы сравниться с благодарностью истиной героини к поэту, сложившему дюжину сонетов в ее честь. Девушка покинула бал в полном удовлетворении, греясь в лучах общественного признания.

Глава 3

Теперь каждое утро начиналось по строго определенному порядку: визит в магазины, осмотр местных достопримечательностей, прогулки по бювету, где дамы на всех смотрели, но ни с кем не разговаривали. Мечты о многочисленных знакомых в Бате по-прежнему занимали все мысли миссис Аллен, тем временем как каждый новый день нес в себе доказательства того, что их здесь нет.

Леди снова ходили на балы, и теперь судьба проявляла больше благосклонности к нашей героине. Однажды церемониймейстер представил ее молодому человеку, очень похожему на настоящего джентльмена. Его звали Тилни. На вид ему было около двадцати пяти, высокого роста, с приятной внешностью, живыми и умными глазами, и если он и не выглядел красавцем, то уж симпатичным был безусловно. В свою очередь он тоже заинтересовался барышней, и Кэтрин поняла, что ей крупно повезло. Во время коротких промежутков между танцами они едва успевали поболтать, но когда настало чаепитие, девушка с

облегчением обнаружила, что ее партнер оказался столь же приятным собеседником, сколь и искусным танцором. Речь его лилась свободно и оживленно, в манерах сквозило едва заметное лукавство, обильно сдобренное обаянием, и это покорило юную леди. Поговорив о пустяках, вполне естественных в подобных обстоятельствах, молодой человек неожиданно сменил тему:

— До сей поры я был так невнимателен, мадам, что решительно ничего о вас не узнал; я так и не спросил, как долго вы живете в Бате, бывали ли вы здесь раньше, посетили ли уже театр, концерт, и как вам вообще здесь нравится. Ужасная беспечность с моей стороны — но не соизволите ли вы удовлетворить мое любопытство? Прошу вас, будьте так любезны.

— Ах, право, стоило ли вам так затруднять себя, сэр.

— Ну что вы, уверяю вас, никаких затруднений.

Изобразив улыбку, он эффектно прочистил горло и достаточно жеманно добавил:

— Как долго вы изволите пребывать в Бате, мадам?

— Уже неделю, сэр, — в тон ответила Кэтрин, стараясь не расхохотаться.

— О, неужели! — воскликнул он в притворном изумлении.

— Но что же вас так удивило, сэр?

— А как же иначе, — молодой человек уже перешел на нормальный стиль, — ведь должен же я был как-то отреагировать на ваши слова, а удивление легко изобразить, к тому же оно здесь вполне уместно. Но давайте продолжим. Итак, вам не доводилось бывать в Бате прежде, мадам?

— Ни разу, сэр.

— Не может быть! Почтили ли вы своим присутствием дворянское собрание?

— О да, сэр, я нанесла туда визит на той неделе, в понедельник.

— Бывали ли вы в театре?

— Да, сэр, на постановке во вторник.

— А что концерт?

— Конечно, в среду.

— И нравится ли в целом вам курорт?

— Да, ничего себе.

— Сейчас я выдавлю ухмылку, и тогда мы снова перейдем на человеческий язык.

Кэтрин отвернулась, не будучи до конца уверенной, подобает ли приличной девушке открыто рассмеяться.

— Я прекрасно вижу, что вы обо мне думаете, — мрачно заметил Тилни. — И завтра я стану лишь еще одной скучной страничкой в вашем дневнике.

— В моем дневнике!

— Да, и мне доподлинно известно, что вы там напишите: «Пятница. Ходила на бал в пестром платье с голубой отделкой и в черных туфлях — выглядела здорово; очень утомил какой-то любопытный недотепа, с которым пришлось танцевать и выслушивать его бредни».

— Поверьте, ничего такого я не напишу.

— Сказать, что вам действительно следует написать?

— Извольте.

— «Весь вечер я протанцевала с приятным молодым человеком, которого представил мистер Кинг; мы славно поговорили — он просто душка. Надеюсь, мы с ним познакомимся поближе». Вот, мадам, что я хотел бы увидеть в вашем дневнике.

— А может, у меня его нет.

— Тогда, возможно, вас нет сейчас и в этой комнате, а я не сижу рядом. Усомниться в этих вещах равносильно. Вы не ведете дневник! А как же ваши кузины узнают о приключениях в Бате, если у вас его нет? Как вы сумеете удержать в голове все любезности и комплименты, если не будете каждый вечер из записывать? Как упомнить свои наряды, цвет лица и милый локон, если не опишите все в подробностях, если забросите дневник? Дорогая моя, кое-что я все-таки знаю о женщинах, вы уж поверьте; именно очаровательная женская привычка скрупулезно вести дневник и породила достаточно легкомысленный, но все же такой приятный стиль в литературе. Никто не станет спорить с тем, что талант писать забавные письма присущ именно женщинам. Возможно, сказываются и какие-то природные задатки, но я уверен, причиной успеха в большинстве случаев становиться именно привычка вести дневники.

— Иногда я размышляла, — задумчиво произнесла Кэтрин, — неужели дамы пишут письма гораздо интереснее, чем мужчины. И вы знаете, сдается мне, что первенство не всегда было нашим.

— Насколько я могу судить, обычно женский эпистолярный стиль безупречен, если не считать трех позиций.

— И каких же?

— Отсутствие предмета описания, тотальное невнимание к знакам препинания и часто хромающая грамматика.

— Да что вы говорите! Не очень-то вы нас жалуете.

— Ну, хорошо, отказываюсь от слов, что женщины пишут письма лучше мужчин, а также лучше поют дуэтом и лучше рисуют пейзажи. В каждом вопросе, где основой суждения служит вкус, безупречность практически поровну делится между обоими полами.

Их беседу прервала миссис Аллен:

— Дорогая Кэтрин, — начала она, — будь так добра, вынь эту булавку у меня из рукава; боюсь, она уже и так прорвала дыру. Будет очень жаль платья, если так оно и есть, — это мое любимое, хоть и отдала я за него по девять шиллингов за ярд.

— Точно так я и думал, мадам, — заметил Тилни, разглядывая муслин.

— Вы знаете толк в муслине, сэр?

— Да уж, разбираюсь. Видите ли, я всегда сам покупаю себе галстуки, таким образом могу судить о предмете вполне компетентно. Даже моя сестра часто доверяет мне в выборе платья. Третьего дня я купил ей туалет, и каждая леди, что его видела, отзывалась о нем не иначе, как о чуде. А заплатил я всего по пять шиллингов за восхитительный индийский муслин.

Миссис Аллен была сражена наповал.

— Мужчины обычно вообще не замечают таких вещей, — сказала она. — А мистер Аллен так и вовсе не может отличить одно мое платье от другого. Вы, должно быть, служите настоящей опорой вашей сестре, сэр.

— Надеюсь, что да, миледи.

— Ах, умоляю вас, сэр, скажите, что вы думаете о платье мисс Морланд?

— Мадам, оно очаровательно, — ответил тот, нахмурившись и изучая наряд, — но не думаю, что оно легко стирается. Боюсь, оно быстро протрется.

— Как можно быть таким, — рассмеялась Кэтрин, — таким… — она чуть не сказала «странным».

— А я с вами полностью согласна, сэр, — вставила миссис Аллен, — я именно так и сказала мисс Морланд, когда она его покупала.

— Однако, миледи, не мне вам говорить, что муслин всегда на что-нибудь, да сгодится. Мисс Морланд наделает себе кучу платков из этого платья, или чепец, или накидку; никогда нельзя сказать, что муслин уже ни на что не годен. Моя сестра сказала это уже раз сорок, когда позволяла себе блажь покупать больше, чем хочется, или когда неудачно перекраивала ткань.

— Бат — совершенно очаровательное местечко, сэр, здесь так много превосходных магазинов. Какая досада, что дома мы живем в деревне. Конечно, в Солсбери есть хорошие магазины, но это так далеко — целых восемь миль. Мистер Аллен говорит, что их девять, будто бы кто-то их считал, но я уверена, что там не больше восьми; так вот, дорога эта так утомительна, что я возвращаюсь совершенно разбитой. А здесь стоит выйти за порог, и через пять минут уже найдешь все, что пожелаешь.

Мистер Тилни был достаточно воспитан, чтобы проявить заинтересованность в ее словах. Воспользовавшись этим, собеседница продолжала рассуждать о тканях до самого конца танца. Слушая их, Кэтрин начала побаиваться, что ее спутник слишком уж снисходителен к слабостям других, чем люди тут же и пользуются.

— О чем это вы так задумались? — поинтересовался молодой человек, когда они выходили из зала. — Надеюсь, не о своем бедном спутнике, поскольку вы так качали головой, что мысли ваши вряд ли были приятны.

Кэтрин вздохнула:

— Вовсе я ни о чем не думала.

— Разумеется, думали. Лучше уж вам сразу сказать, что ни за что мне не признаетесь.

— Ну что ж, извольте, не признаюсь.

— Спасибо. Скоро мы с вами будем на короткой ноге; при каждой встрече я стану терзать вас расспросами, а лучше этого ничто не сближает.

Они снова танцевали, а когда бал закончился, гости разошлись и молодые люди расстались, осталось только непреодолимое желание продолжить знакомство, по крайней мере со стороны Кэтрин. Нельзя с уверенностью сказать, думала ли она о молодом человеке слишком много, пока пила подогретое вино и готовилась ко сну, грезила ли о нем на рассвете; но, если принять во внимание слова прославленного автора о том, что нет оправдания девушке, влюбившейся в мужчину раньше, чем тот ответил взаимностью, было бы совершенно неприлично мечтать о джентльмене прежде, чем сам джентльмен публично не возжелает ее в своих мечтах. Насколько мистер Тилни подходил на роль объекта воздыханий или даже любовника, мистер Аллен пока не задумывался, но то, что в качестве обычного знакомого для юной подопечной он был вполне приемлем, сомнений не возникало, поскольку еще накануне вечером мистер Аллен потрудился навести справки о молодом человеке, из коих следовало, что тот происходил из вполне приличной семьи в Глостершире, и сам являлся священником.

Глава 4

На следующий день Кэтрин проявила чудеса расторопности и нетерпение при сборах в бювет, будучи втайне уверенной, что непременно встретит там мистера Тилни еще до полудня, и готовая подарить ему одну из своих самых обворожительных улыбок; однако, улыбки так и не потребовалось — мистер Тилни не появился. Казалось, все сущее в Бате роилось в залах у источника в эти модные утренние часы, толпы входили и выходили, поднимались и спускались по лестницам, люди сновали то здесь, то там, никому не нужные и неинтересные, — и только его по-прежнему не было.

— Что за приятное место, этот Бат, — пробормотала миссис Аллен, усевшись рядом с громадными часами, уже сделав несколько дефиле по залу и изрядно утомившись. — И как было бы приятно, случись нам повстречать здесь кого-нибудь из знакомых.

Слова эти уже столько раз слетали с ее языка, что миссис Аллен, произнося их в очередной раз, делала это скорее из привычки, чем из надежды действительно кого-нибудь встретить, но ведь недаром сказано, что «отчаянье — бесплодная наука», и что «к неутомимому усердью фортуна часто благосклонна», —

очевидно, неутомимое усердье, с которым она день за днем желала одного и того же, порядком надоело фортуне, и та наконец смилостивилась, поскольку не успели наши дамы присесть, как какая-то леди средних лет, сидевшая напротив и минут десять не спускавшая с них глаз, собралась с духом и заговорила, сдобрив свою речь изрядной долей любезности.

— Мне кажется, мадам, ошибки здесь быть не может, хотя с того дня, когда мы встречались в последний раз, прошла уйма времени. Ведь вас зовут Аллен?

Любопытство леди немедленно удовлетворили, незнакомка представилась как миссис Торп, и миссис Аллен немедленно вспомнила знакомые черты бывшей своей одноклассницы и сердечной подруги в одном лице, с которой после школы встречалась лишь однажды, целую вечность назад, еще до замужества. Радость встречи переполняла женщин, что казалось вполне объяснимым, ведь последние лет пятнадцать они прожили, не зная друг о друге ровным счетом ничего. Поток комплиментов начал понемногу иссякать; обе уже успели заметить, как быстро пронеслось время со дня их последней встречи, и как мало питали они надежд увидеться здесь, в Бате, и какое это огромное удовольствие встретить старого друга на чужбине. Теперь они с головой погрузились в расспросы о семьях, сестрах и кузенах, говоря одновременно, причем каждая была склонна скорее поделиться информацией, чем ее получить, отчего, естественно, друг друга они почти не слышали. Тем не менее, у миссис Торп вскоре обнаружилось значительное преимущество перед визави, поскольку Господь наградил ее прорвой наследников, и посему когда та с упоением завела речь о талантах своих сыновей и красоте дочерей, в подробностях описав и то, и другое (Джон учится в Оксфорде, Эдвард — в Мерчант-Тэйлорс, Вильям — в море, и всех их там любят и ценят гораздо больше остальных), миссис Аллен не нашла, что ответить, так как не имела в своем активе схожих побед, а если б они и были, подруга все равно бы не поверила. Таким образом, ей пришлось молча выслушивать все материнские излияния, утешая себя мыслью о том, что кружевной мантилье миссис Торп куда как далеко до ее собственной.

— А вот и мои девочки, — воскликнула вдруг миссис Торп, указав при этом на трех девиц несколько ушлого вида, что рука об руку продвигались к часам. — Дорогая миссис Аллен, я горю от нетерпения представить их вам, крошки будут так рады познакомиться. Вон ту, самую высокую, зовут Изабелла, она старшая. Не правда ли, она очаровательна? Остальных, конечно, я люблю ничуть не меньше, но мне кажется, Бэль самая красивая.

Всех юных Торп представили, и мисс Морланд, о которой до этого просто забыли, была рекомендована им в свою очередь. Ее имя, похоже, повергло девушек в легкий шок, и после обмена дежурными любезностями старшая из них наконец произнесла:

— Как удивительно похожа мисс Морланд на своего брата!

— Вылитая копия! — подтвердила ее мать. — Я бы и с закрытыми глазами сказала, что она его сестра.

Остальные согласно закивали и повторили это еще раза два-три. На какое-то мгновение Кэтрин потеряла дар речи, но в процессе того, как миссис Торп начала излагать историю ее знакомства с мистером Джеймсом Морландом, она постепенно вспомнила, что одно время ее старший брат близко сошелся с неким Торпом из того же колледжа, и что последние дни сочельника он провел в том семействе, где-то под Лондоном.

Все объяснилось, молодые Торп произнесли пространную речь об удовольствии, полученном ими от знакомства, которое, по примеру их братьев, непременно должно перерасти в крепкую дружбу, на что Кэтрин ответила всеми мыслимыми любезностями, пришедшими ей на ум. В доказательство самых теплых чувств ей позволили взять под руку старшую мисс Торп и сделать еще один круг по бювету. Новые знакомства в Бате порадовали Кэтрин так сильно, что, прогуливаясь по залу, она почти совсем забыла о мистере Тилни. Дружба, безусловно, — вот лучший бальзам для сердца, израненного любовью.

Вскоре девушки разговорились о вещах, которые несомненно сближают юных особ крепче всего: о платьях, балах, флирте и чудаковатых ухажерах. Мисс Торп, будучи на четыре года старше новоприобретенной подруги, и в четыре же раза осведомленней ее в подобных вопросах, могла сравнивать балы в Бате с теми, что давались в Танбридже, местную моду — с лондонской, оттачивая при этом вкусы Кэтрин к нарядам, обучая ее безошибочно распознавать заигрывания по одному только взгляду и замечать потенциальных обожателей в плотной толпе. Такая просвещенность не могла не восхитить девушку, для которой все изложенное прозвучало впервые. Уважение к собеседнице за полученные знания оказалось, пожалуй, слишком сильным, чтобы их отношения оставались просто знакомством; непринужденная изящность манер мисс Торп, ее нескрываемый восторг от новой подруги и благоговейный трепет Кэтрин перед той стали причиной нежной привязанности, возникшей между девушками. Разумеется, и

полдюжины прогулок по бювету не могли бы насытить новое чувство, а посему, когда моцион закончился, с общего согласия мисс Торп должна была сопровождать мисс Морланд до самых дверей ее номера, где они все же расстались, долго и страстно пожимая друг другу руки, обещая встретиться вечером в театре, а на следующее утро вместе пойти на молитву.

Кэтрин легко взбежала по лестнице и кинулась прямиком в гостиную, из окна которой она долго смотрела вслед удаляющейся мисс Торп, восхищаясь грациозной походкой, модным туалетом и изящными линиями тела, одновременно благодаря судьбу за новую подругу.

Мать Изабеллы вот уже несколько лет как овдовела, при этом не была богата, но слыла женщиной доброй и порядочной и являлась образцовой матерью. Старшая из ее дочерей отличалась полной безупречностью, а младшие, подражая ее красоте и копируя наряды, вполне преуспели на этом поприще. Такая беглая характеристика этого семейства дана нами умышленно, ибо если предоставить шанс самой миссис Торп поведать о прошлых днях, ее радостях и огорчениях, то три, а может и все четыре следующие главы будут безвозвратно потрачены на описание жестокости сильных мира сего и бездушия чиновников, а также на подробное изложение речей, которые уже произнесли лет двадцать назад и нынешнему читателю ничуть не интересны.

Глава 5

Особого энтузиазма относительно вечернего выхода в театр и обмена улыбками и поклонами с мисс Торп, на которые уйдет масса времени, Кэтрин, по правде говоря, не испытывала. Но делать было нечего, идти пришлось, но за всей этой скучной суетой девушка не забывала внимательно осматривать ложи в поисках мистера Тилни, который, впрочем, пока не появлялся. Похоже, Мельпомена привлекала его ничуть не больше, чем минеральные воды. Большие надежды возлагались на следующий день, и, как только Кэтрин, проснувшись по утру, обнаружила, что погода стоит великолепная, она тут же себя заверила, что сегодня ей непременно повезет: по воскресеньям дома в городе пустели, и все выходили на променад, без устали повторяя знакомым, что находят это утро очаровательным.

Как только заутреня кончилась, Торпы и Аллены счастливо воссоединились, потом долго сидели у источника, в конце концов обнаружили, что в целом толпа невыносима, ведь в ней нет ни одного благородного лица (что, к слову, обнаруживают все и вся по воскресеньям в разгар сезона), и сообща направились в Кресцент в поисках свежего воздуха и более приятного окружения. Там Кэтрин и Изабелла, рука об руку, снова вкушали прелесть дружбы и много говорили к взаимному удовольствию.

И снова разочарование посетило Кэтрин, поскольку и здесь не было следов Тилни. Одному Господу известно, где его можно встретить; поиски не приносили результатов: ни утром, ни вечером не мелькало в толпе его лицо; ни бал, ни маскарад уже не сулили встречи с ним; не видно было молодого человека ни среди конных, ни среди пеших, ни среди ходящих кругами курортников. Его имя не значилось среди посетителей бювета, и вся погоня за ним казалась тщетной. Должно быть, он покинул Бат. Но ведь он ни словечком не намекнул, что его пребывание здесь так скоро закончится! Покров тайны, всегда сопровождающий настоящего рыцаря, еще сильнее распалил воображение и любопытство Кэтрин. Торпы ничего о нем не слышали, так как приехали в Бат всего за два дня до встречи с миссис Аллен. О своем увлечении девушка много беседовала с новой подругой и услышала от нее массу ободряющих слов, поэтому жгучий интерес к личности молодого человека постоянно подпитывался и ничуть не собирался угасать. Изабелла ни на йоту не сомневалась, что тот должен быть действительно очаровательным мужчиной, а также постоянно уверяла ее в том, что он, в свою очередь, не мог устоять перед обаянием такой девушки, как Кэтрин, поэтому непременно вскоре вернется. При мысли о том, что мистер Тилни носит духовный сан, девушка просто млела, «ведь с учетом его профессии с ним можно откровенничать бесконечно», и при этом Изабелла украдкой вздыхала.

Теперь миссис Аллен была совершенно счастлива и наслаждалась пребыванием в Бате. Она нашла-таки знакомых, более того, старинную подругу, и уж совсем подарок судьбы — эта подруга носила наряды явно не столь дорогие, как ее собственные. Больше она не говорила о том, что отдыхать здесь без знакомых неудобно. Теперь каждое утро начиналось с фразы: «Как хорошо, что мы повстречались с миссис Торп!». Стремление дружить семьями крепло в ней день ото дня, тем более что ее юная подопечная и Изабелла души друг в друге не чаяли. Жизнь не считалась полноценной, если большую часть дня миссис Аллен не проводила с подругой, коротая часок за тем, что обе они считали приятной беседой (в которой не было, впрочем, и намека на то, что действительно имеется ввиду под этим словом); миссис Торп без устали хвалила своих детей, а миссис

Аллен — собственные наряды.

Столь счастливо начавшаяся дружба между Кэтрин и Изабеллой теперь только крепла, нежность усиливалась и все складывалось столь удачно, что вскоре обе с трудом находили новые доказательства своей любви друг к другу. Девушки перешли на «ты», ходили всегда под руку, вместе осваивали новые па и вообще стали походить на сиамских близнецов. Если небо с утра хмурилось и шел дождь, все равно, все лужи и грязь на свете не могли разлучить подруг; они закрывались в комнате и вслух читали романы.

Да, именно романы — нам чуждо лицемерие многих авторов, которые, сами внося свою лепту в бурный поток романтических страстей, ни за что на свете не согласились бы, чтобы их героини читали подобную чепуху; напротив, вложив весь свой талант в лживые строки, некоторые в красках живопишут девушку, случайно взявшую в руки дамскую повесть и, перевернув страничку-другую, с отвращением вернувшую ее на полку. Увы, так не бывает, ведь как иначе героиня одного рассказа будет знать, как ей жить, если не будет такой же героини в другом, по которой можно было бы сверять свои поступки? Давайте предоставим строгим критикам на досуге оттачивать свои перья, и пусть пресса брызжет ядовитой слюной. Собратья в слове, будьте милосердней! Недруги наши, что пишут рецензии из зависти, невежества или стремления поспеть за модой, почти столь же многочисленны, сколь и наши читатели. Тому, кто в тридесятый раз заново пишет историю Англии и собирает в одном томе по дюжине строк из Милтона, Поупа, Прайора и Штерна, наш легкомысленный век поет осанну. Но если в свет выходит повесть, отмеченная чистотой, интригой и хорошим вкусом, тут же тысячегласный хор вопит свою хулу. «Я не поклонник романов. — Я редко заглядываю в романы. — Не могу себе представить, чтобы я когда-нибудь захотел прочесть роман. — Ну, от романа-то и ждать больше нечего», — вот общее суждение о них. — А что вы там читаете, мисс…? — Да так, пустяк, один роман, — отвечает юная леди, поспешно закрывая книгу и сгорая от стыда. — Всего лишь «Сицилия» («Камилла», «Белинда» или что-нибудь еще из этого ряда весьма достойных произведений, отличающихся глубоким проникновением в натуру человека, великолепным языком и тонким чувством юмора). Неужели такая юная леди была бы столь же увлечена очередным номером «Обозревателя»! — сколь ничтожно мала такая возможность, принимая во внимание весьма спорные художественные достоинства подобных публикаций, на страницах которых не встретишь ничего, кроме перевранных фактов, ходульных героев и тем для обсуждения, уже успевших наскучить публике лет сто тому назад.

Глава 6

Однажды утром, когда дружбе девушек уже исполнилось девять дней, в бювете между ними состоялся диалог, который мы хотели бы воспроизвести, дабы читатель не усомнился в теплоте их чувств, а также убедился в благоразумии помыслов, оригинальности суждений и тонком литературном вкусе.

Назначив встречу, обе пришли, Изабелла минут за пять до подруги, поэтому первое, что она сказала, было:

— Милая моя, что же тебя так задержало? Жду тебя здесь уже триста лет!

— Ох, неужели? Мне так, право, неловко. Но мне казалось, я поспеваю как раз вовремя. Сейчас час дня. Надеюсь, ты все же не слишком долго меня прождала.

— Ах, говорю же, лет четыреста. Ну уж последние полчаса, по крайней мере, точно. Впрочем, полно, пойдем, присядем где-нибудь и пощебечем. Мне столько надо тебе рассказать! Во-первых, я страшно испугалась, что с утра пойдет дождь. Нынче так дождливо. Если бы он все же пошел, я билась бы в агонии! Знаешь, я тут видела самую прелестную из шляпок, что можно себе вообразить, в витрине на Милсом-стрит. Очень похожа на твою, только там оранжевые ленточки вместо зеленых. Господи, как мне ее хочется! Однако, милая Кэтрин, чем ты занималась все это утро? Дочитывала «Тайны Удольфского замка»?

— Да, как проснулась, так сразу и начала. Как раз дошла до черного покрывала.

— Правда? Вот здорово! О, ни за что на свете не скажу тебе, что было под ним! Тебе, наверное, жутко хочется знать?

— Еще бы! Что же там такое? Но нет, не рассказывай, ни слова не хочу слышать об этом. Должно быть, там скелет, я просто уверена, что это скелет Лаврентины. Ах, мне так нравится эта книга! Так бы всю жизнь ее и читала. Клянусь, если бы не встреча с тобой, ни за что б на свете от нее не оторвалась!

— Голубушка, спасибо тебе. Когда закончишь «Замок», мы вместе почитаем «Итальянца», а еще я тут набросала целый список, там книг десять-двенадцать того же рода.

— Как ты добра! И как я рада! А что это за книги?

— Да вот этот список, вложила его в свой блокнот. Давай я прочту тебе все названия по порядку: «Замок Вольфенбахов», «Клермонт», «Тайное знамение», «Колдун Черного леса», «Полночный колокол», «Рейнская сиротка» и «Жуткие тайны». Чтоб прочесть все это понадобится время.

— Да уж, пожалуй; а они правда все страшные, ты точно знаешь?

— Разумеется. Одна моя знакомая, некая мисс Эндрюс, славная девушка, пожалуй, одна из самых милых на свете, прочла их все. Как жаль, что ты не знакома с мисс Эндрюс, она бы тебе понравилась. Она вяжет себе такую очаровательную шаль — ты и представить не можешь. Мне кажется, она хорошенькая, прямо как ангел. Я так сердита на мужчин — она им не нравится! Я их всегда за это ругаю.

— Ругаешь? Ты и правда ругаешь их за это?

— Вот именно. Нет ничего такого, что я не смогла бы сделать для своей подруги. Не умею любить людей наполовину, мне это не по нутру. И привязываюсь я всегда очень сильно. Этой зимой я сказала как-то капитану Ханту, что если он будет дразнить меня весь вечер, я ни за что не соглашусь с ним танцевать, пока он не назовет мисс Эндрюс самой красивой девушкой. Мужчины вообще думают, что мы не способны на искреннюю дружбу. Ну уж я-то им покажу, что к чему. Вот если бы я сейчас услышала, что кто-то неучтиво отозвался о тебе, я бы тут же вспылила; ну да тебе это не грозит, ведь таких, как ты, мужчины просто обожают.

— Ах, дорогая! — воскликнула Кэтрин, заливаясь румянцем. — Как ты можешь так говорить?

— Я тебя очень хорошо знаю; ты такая бойкая — как раз этого и не хватает мисс Эндрюс: должна признать, порой она бывает скучна. Кстати, я еще не сказала, что вчера, после того, как мы разошлись, я встретила молодого человека, так

вот он очень пристально смотрел тебе вслед. Уверена, что он по уши в тебя влюблен.

Кэтрин покраснела и вновь недоверчиво качнула головой. Изабелла рассмеялась:

— Клянусь честью, это так. Но я ведь вижу, тебе совершенно безразличны кавалеры, пожалуй, за исключением одного джентльмена — не будем называть имен. Нет, я нисколько не виню тебя за это, твои чувства легко объяснить. Если уж сердце кому-то отдано, внимания других совсем не замечаешь. Все вокруг такое пресное, такое скучное, по крайней мере то, что не имеет отношения к любимому. Твои чувства мне совершенно понятны.

— Но не станешь же ты утверждать, что я думаю о мистере Тилни слишком много? Может статься, я больше вообще его не увижу.

— Ну вот еще глупости! Не смей так говорить. Я уверена, ты совсем зачахнешь, если будешь об этом думать.

— Надеюсь, что нет. Не скрою, при знакомстве он мне очень понравился. Но покуда у меня не дочитан «Удольфский замок», я уверена, что не зачахну ни под каким предлогом. Ох, это жуткое черное покрывало! Милая Изабелла, неужели там и правда скелет Лаврентины!

— Так странно, что раньше ты никогда не читала эту книгу. Наверное, миссис Морланд не любит романы.

— А вот и нет. Она часто перечитывает «Сэра Чарльза Грэндисона». Знаешь, новые книги к нам почти никогда не попадают.

— «Сэр Чарльз Грэндисон»! Жутко занятная вещица, правда? Я помню, мисс Эндрюс так и не осилила первый том.

— Да, это совсем не похоже на «Замок», но все же, я нахожу этот роман достаточно увлекательным.

— Неужели? Ты и впрямь меня удивляешь. Мне казалось, его просто невозможно читать. Но дорогая Кэтрин, ты уже решила, что наденешь на голову вечером? Я намерена во всех случаях полностью походить на тебя. Мужчины такое иногда замечают.

— Но если и так — все одно — это ничего не значит, — невинно возразила Кэтрин.

— Не значит! Смилуйся над нами, Господи! Да я за правило себе взяла вообще не слушать, о чем они говорят. Если им сразу не указать на их место, они становятся нахальными; с такими держи ухо востро.

— Да? Вот уж никогда не замечала. Со мной они всегда так обходительны…

— Брось ты, все это одни лишь притворства. Мужчины — самые чванливые создания природы, они так о себе важничают! Ой, к слову сказать, давно уже собираюсь тебя спросить, да все как-то забываю: какой тип мужчин тебе больше нравится — брюнеты или блондины?

— Я даже не знаю. Никогда об этом не думала. Что-нибудь между ними… Да, пожалуй, шатены — и не черные, и не светлые.

— Замечательно, Кэтрин. Он именно такой. Я ведь не забыла, каким ты описала мистера Тилни: смуглая кожа, темные глаза и достаточно темные волосы. Ну, а у меня все не так. Я предпочитаю мужчин бледных и светлоглазых. Смотри же, подружка, не предай меня, если когда-нибудь познакомишься с таким джентльменом.

— Не предать тебя? Что ты имеешь ввиду?

— Ох, не мучай меня. Я и так уже много всего наговорила. Давай-ка сменим тему.

Слегка озадаченная, Кэтрин все же уступила; несколько минут тянулась тишина, и когда девушка собралась уже было обсудить с подругой то, что после мужчин интересовало ее больше всего — скелет Лаврентины, Изабелла ее опередила.

— Ради всего святого, милая, давай перейдем в другой конец зала. Вон там сидят двое странных молодых людей. Они уже полчаса с меня глаз не сводят. Я себя прямо не в своей тарелке чувствую. Пойдем посмотрим, может, появился кто новенький. Надеюсь, те двое за нами не последуют.

Пока они шли, Изабелла снова достала список, и теперь настал черед Кэтрин следить за подозрительными джентльменами.

— Они за нами не увязались? Надеюсь, у них не хватит на это дерзости. Умоляю, предупреди меня, если они все же станут шпионить.

Через несколько мгновений Кэтрин заверила подругу, что та может вздохнуть свободно: молодые люди покинули бювет.

— И куда они пошли? — спросила Изабелла, поспешно развернувшись в обратную сторону. — Один из них был такой хорошенький.

— Они направились к церкви.

— Я так рада, что мы наконец-то от них избавились. А что ты скажешь насчет прогулки к Эдгару — мы посмотрим на ту новую шляпку, о которой я говорила. Ведь ты сказала, что хотела бы ее видеть.

Кэтрин с радостью согласилась.

— Только, — добавила она, — мы можем опять встретиться с теми двумя джентльменами.

— Пустяки! Если мы поспешим, то наверняка их обгоним. Я умираю, как хочу показать тебе эту шляпку.

— Но если мы переждем еще пару минут, то, скорее всего с ними не столкнемся.

— Никаких уступок с нашей стороны. Слишком большая честь для них. Именно так можно разбаловать мужчин.

Возразить Кэтрин было нечего, и в подтверждение независимости и в некоторой степени эмансипированности мисс Торп, обе подруги на всех парах погнались вслед за молодыми людьми.

Глава 7

Дорогу от бювета до арки, что напротив Пассажа, девушки одолели за полминуты и там остановились. Всякий, кто когда-либо бывал в Бате, помнит, как нелегко перейти Чип-стрит в этом месте. Поистине, эта улица очень коварна, ведь здесь так неудачно сходятся Оксфордский и Лондонский тракт, а на углу стоит самая большая таверна в городе. Не проходит и дня, чтобы пестрая стайка каких-нибудь леди, спешащих по неотложным делам в кондитерскую, к шляпнику или даже (как в нашем случае) за молодыми людьми, не застряли здесь перед немыслимым потоком несущихся карет, экипажей и всадников. Изабелла знала об этом препятствии и оплакивала его существование по меньшей мере трижды в день с того момента, когда впервые появилась в Бате. И нынче злой рок вынуждал ее снова погрузиться в скорбь, поскольку именно в то самое время, когда барышни наконец-то заметили молодых людей, идущих вместе с толпой к Пассажу, путь им преградила страшно грохотавшая по булыжной мостовой двуколка, которой правил ухарского вида извозчик, причем делал это с таким самозабвением, что рисковал не только собственным здоровьем, но и жизнями пассажиров и лошади.

— Ох уж мне эти двуколки! — в досаде топнула ногой Изабелла. — Как я их ненавижу!

Однако, этот приступ ненависти, хоть и страстный по своей природе, был быстротечен, поскольку уже через мгновение девушка взглянула на пассажиров и воскликнула:

— Что за чудо! Мой брат и мистер Морланд!

— Святые угодники! — выдохнула Кэтрин. — Это же Джеймс.

В тот же миг молодые люди узнали девушек, хлопнули кучера по плечу, тот огрел лошадь, та резко затормозила, и джентльмены то ли выпали из повозки, то ли выскочили сами.

Кэтрин, для которой это событие стало полной неожиданностью, искренне радовалась встрече с братом. Тот, будучи, в свою очередь, очень привязанным к сестре, также казался на седьмом небе от счастья. Во время приветствий и поцелуев Изабелла цепким взглядом искала встречи с глазами молодого человека, и когда, наконец, девушка своего дождалась, то получила даже больше, чем ожидала; если бы Кэтрин была более внимательной и осведомленной в подобных вопросах, то непременно поняла бы, о чем говорил весь вид брата: тот, несомненно, считал ее подругу такой же хорошенькой, как и она самое себя.

Джон Торп, отдававший тем временем распоряжения насчет лошадей, вскоре присоединился к остальной компании. Его сестра получила причитавшиеся ей приветствия, брат легко и как-то небрежно пожал руку Изабелле и отвесил едва уловимый поклон. Он был крепким молодым человеком среднего роста, с простым лицом, и, пожалуй, производил бы впечатление очень привлекательного юноши, если б не жокейский костюм, казался бы джентльменом, если б не его скованность в те моменты, когда нужно проявлять галантность. Он посмотрел на часы.

— Как вы думаете, мисс Морланд, за сколько мы добрались сюда из Тетбери?

— Я не знаю, далеко ли это.

Брат подсказал, что до города двадцать три мили.

— Двадцать три! — с негодованием воскликнул Торп. — Не угодно ли вам двадцать пять?

Напрасно юный Морланд ссылался на дорожные карты и верстовые столбы — друг был непоколебим, доверяя собственным расчетам.

— Я точно знаю — двадцать пять. Я сужу по времени, за которое мы доехали. Сейчас полвторого, мы выехали из Тетбери, когда городские часы били одиннадцать. Я вызову на дуэль любого англичанина, который скажет, что в

упряжи моя лошадь дает меньше десяти миль в час. Таким образом, мы получаем ровно двадцать пять.

— Ты потерял целый час, — возразил Морланд, — было только десять, когда мы выехали с постоялого двора.

— Десять! Клянусь, было одиннадцать! Я считал каждый удар. Этот ваш брат, мисс Морланд, хочет меня убедить, что я сумасшедший. Вы только взгляните на мою лошадь. И не говорите, что встречали животное, скроенное для езды лучше этого. Чистокровка! Если поверить, что мы ехали три с половиной часа, то тогда конечно там будет двадцать три мили. Но взгляните же на это создание и скажите, можете ли вы в такое поверить.

— Лошадь вся в мыле, это точно.

— В мыле! Да на ней и волосок не дрогнул до самого Валкот-Черч. Вы посмотрите на ее лоб, на круп, как она двигается! Да эта лошадь просто не может идти меньше десяти миль в час. А как вам моя двуколка, мисс Морланд? Очень аккуратная, не так ли? Хорошая подвеска, приличная сборка. Я и месяца на ней еще не езжу. Ее сделали для одного священника, моего приятеля — очень солидного человека. Он катался на ней пару недель, а потом решил ее сменить. А я в то время как раз искал что-нибудь похожее, хотя и подумывал о парном экипаже. Но я повстречал того джентльмена на мосту Магдалины, когда он ехал в Оксфорд. «Торп, — спросил он, — не нужна ли тебе такая штуковина? Повозка очень крепкая, да только вот она мне уже надоела». «Да, — сказал я, — именно это мне и нужно. Сколько ты за нее хочешь?» И сколько, вы думаете, он запросил?

— Без понятия.

— Вы только полюбуйтесь: скамья, сундук, футляр, щиток, фонари, серебряное литье — полный набор, все почти как новое, если не лучше. И за такое вот великолепие он попросил всего пятьдесят гиней. Я сразу же отдал ему деньги, и вот, извольте, пролетка моя.

— К сожалению, — вздохнула Кэтрин, — я в этом так слабо разбираюсь, что даже не знаю, дорого это или дешево.

— Ни то и не другое. Конечно, я бы мог поторговаться, но мне это не по душе, а бедняге Фримену была нужна наличность.

— Как благородно с вашей стороны.

— Да уж, если есть возможность помочь другу, то почему бы этого не сделать.

Теперь речь зашла о том, куда направлялись девушки, и вскоре молодые люди приняли решение их сопровождать, дабы нанести визит вежливости миссис Торп. Джеймс и Изабелла шли впереди. Девушка так радовалась неожиданной удаче, так наслаждалась прогулкой с мистером Морландом, близким ей вдвойне, поскольку он являлся не только другом ее брата, но и братом ее подруги; чувства ее были так чисты и настолько лишены кокетства, что даже пройдя мимо двух джентльменов, потерявшихся было, на Милсом-стрит, ей и в голову не пришло приложить хоть сколько-нибудь усилий, чтобы привлечь их внимание, и она обернулась на них всего три раза.

Естественно, Джон Торп шагал рядом с Кэтрин, и, преодолев минутное молчание, снова завел речь о своей двуколке.

— Возможно, мисс Морланд, кто-нибудь вам скажет, что это выгодная сделка, ведь прямо на следующий день я мог бы продать ее на десять гиней дороже: Джексон Ориел сразу предлагал шестьдесят. Со мной тогда еще был Морланд.

— Да, — вступил в разговор молодой человек, краем уха услышавший, о чем идет речь, — но не забывай, что в эту сумму входила и твоя лошадь.

— Моя лошадь! Да я бы и за сотню ее не отдал. Вам нравятся открытые экипажи, мисс Морланд?

— Да, очень. Хотя, не припомню, чтобы я когда-нибудь в таких ездила. Но мне они все же определенно нравятся.

— Как я рад слышать это. Я буду катать вас каждый день.

— Спасибо, — поблагодарила Кэтрин с некоторым сомнением, стоит ли ей принять это предложение.

— Завтра мы с вами поедем на Ландсдаун Хилл.

— Я вам так признательна. Но неужели вашей лошади не нужно отдохнуть?

— Отдохнуть! Сегодня она прошла всего двадцать три мили — сущий пустяк. Ничто так не губит лошадей, как праздность. Это выбивает их из ритма. Нет, нет — пока я здесь, она будет работать по меньшей мере четыре часа в день.

— Ах, неужели? — серьезно переспросила Кэтрин. — Но ведь это получается сорок миль за день.

— Сорок! Не хотите ли пятьдесят? Помните же о нашем уговоре: завтра мы едем в Ландсдаун.

— Как это будет прекрасно! — воскликнула Изабелла, обернувшись. — Дорогая Кэтрин, я тебе просто завидую. Боюсь, братец, для третьего у тебя местечка не найдется?

— Нет, нет, что ты! Я приехал в Бат вовсе не за тем, чтобы катать здесь сестер. Ты можешь развлекаться с Морландом.

Обмен любезностями между ними продолжался, но Кэтрин не слышала не только самого разговора, но даже не уловила его сути. Рассуждения ее спутника потихоньку стихли, имевшая доселе место запальчивость исчезла, и теперь он ограничивался парой хвалебных или порицательных реплик в адрес всех проходящих мимо дам. Кэтрин слушала и соглашалась так долго, как только могла, из соображений учтивости опасаясь малейшим знаком намекнуть на собственное несогласие с точкой зрения этого самоуверенного мужчины, особенно в вопросе, касающемся представительниц женского пола; но всякому терпению приходит конец, девушка собралась с духом и, решительно переменив тему, задала Торпу вопрос, который уже давно приготовила:

— Скажите, не читали ли вы «Удольфский замок»?

— «Удольфский замок»! Боже, конечно же нет. Я вообще не читаю романов. У меня есть дела и поважнее.

Кэтрин, смущенная и пристыженная, решила было извиниться за вопрос, но собеседник ее опередил.

— Все романы так напичканы глупостями! Ничего приличного мне не попадалось с тех пор, как я прочел «Тома Джонса» и «Монаха». Что до всего остального, то большей чепухи и представить себе трудно.

— Мне кажется, доведись вам прочесть «Замок», вы бы непременно его полюбили. Книга такая интересная!

— Только не я! Если уж я и захочу почитать, то это будут только сочинения миссис Редклиф — они достаточно забавны и вполне правдивы.

— Так «Замок» как раз ею и написан, — смущенно возразила Кэтрин, боясь унизить молодого человека.

— Да неужели? Кажется, теперь я припоминаю. А я как раз думал о другой глупой книжонке, вокруг которой дамы устроили такой переполох. Кажется, там героиня выходит замуж за какого-то французского эмигранта.

— Вы, наверное, имеете ввиду «Камиллу»?

— Вот именно. Как там все надуманно — старик качается на качелях! Помню, я взял первый том, полистал его и решил, что это не для меня. Конечно, я предполагал, что это может быть за книга, но как только я узнал, что девушка выходит замуж за эмигранта, я окончательно понял, что не могу читать такое.

— Я сама тоже ее не читала.

— Уверяю вас, вы ничего не потеряли; поистине, это самая жуткая чепуха, какую можно только вообразить. Подумать только, старик качается на качелях и учит латынь!

Такую вот критику и осуждение выслушивала бедная Кэтрин до самого порога номеров, в которых расположилась миссис Торп. Только тогда неумолимый в своем негодовании читатель «Камиллы» сменил гнев на милость, когда мать, разглядевшая их еще из окна, спустилась к ним навстречу.

— Ах, матушка, как поживаете? — шагнул к ней сын и страстно пожал обе протянутые руки. — Где вы нашли такую странную шляпку? В ней вы похожи на старую ведьму. Мы с Морландом решили погостить у вас пару дней, так что вы уж найдите где-нибудь пару кроватей помягче.

Таким образом, прозвучало все, что желала услышать мать от любящего сына, поскольку приветствия с ее стороны были бурны и горячи. Теперь настала очередь двух сестер принять на свой счет потоки братской нежности, в которых тот не забыл спросить их о здоровье и отметить, как безобразно обе выглядели.

Эти манеры не очень-то понравились Кэтрин, но молодой человек был другом Джеймса и братом Изабеллы, и очень скоро нетерпимость ее оценки смягчилась, поскольку, когда девушки разглядывали новую шляпку, Изабелла заверила подругу в том, что Джон, несомненно, ею покорен и непременно еще до ужина ангажирует ее на танец. Будь наша юная особа старше или опытней, такие доводы имели б мало силы; но, коли молодость шагает рука об руку с застенчивостью, нужна нечеловеческая твердость, чтоб устоять перед наслаждением услышать в свой адрес слова о том, что ты самая очаровательная девушка на свете, и не поддаться просьбе танцевать на грядущем балу, произнесенной так загодя. В результате Морланды, просидев целый час у миссис Торп, вместе отправились к миссис Аллен, и, как только дверь за ними закрылась, Джеймс спросил:

— Ну же, Кэтрин, как тебе показался мой друг Торп?

Вместо того, чтобы честно признаться в своей полной неприязни к новому знакомому, как это было бы сделано еще час назад, не будь здесь замешаны дружба и лесть, она просто ответила:

— Он мне очень понравился — такой милый молодой человек.

— Он добрейшее существо на свете, правда, много болтает, но, как я понимаю, именно это и нравится женщинам. А что ты думаешь об остальном семействе?

— Я их очень-очень люблю. Особенно Изабеллу.

— Как я рад это слышать. Она именно тот тип, который, как мне кажется, достоин твоей дружбы; она такая рассудительная, совершенно естественная и

живая. Я всегда хотел вас познакомить. Похоже, и она к тебе неравнодушна. Она расхваливала тебя, как только могла. А похвала такой девушки, как мисс Торп, Кэтрин, — в порыве нежности он сжал ее руку, — даже тебе должна быть лестна.

— Мне и правда очень приятно. Я безгранично ее люблю, и мне так приятно узнать, что и тебе она очень нравится. Но ведь когда ты у них гостил, ты ни словечком о ней не обмолвился.

— Это потому, что я надеялся, что мы и так скоро встретимся. Вообще я хочу, чтоб вы подольше оставались в Бате вместе. Она такая приятная девушка, с такими глубокими мыслями! Вся семья от нее в восторге. Несомненно, она там общая любимица. Должно быть, здесь она имеет бешеный успех?

— Да, жаловаться не на что. Мистер Аллен считает ее самой восхитительной леди в Бате.

— Не сомневаюсь. Я не знаю другого мужчины, кто больше него разбирался бы в женской красоте. Как я понимаю, мне нет нужды спрашивать, счастлива ли ты здесь, — с таким другом, как Изабелла Торп, иначе и быть не может. Уверен, что и Аллены к тебе очень добры.

— Конечно. Никогда раньше я не была такой счастливой. А сейчас, когда ты приехал, я вообще сама не своя от радости. Как замечательно с твоей стороны приехать в такую даль, чтобы встретиться со мной.

Джеймс, выслушав слова благодарности и постаравшись не обращать внимания на укоры совести, вполне искренне подтвердил:

— Да, Кэтрин, я очень тебя люблю.

Они много говорили о братьях и сестрах, об их росте, здоровье и взрослении, а когда эта тема себя исчерпала, вновь вернулись к особе мисс Торп, и незаметно для себя оказались на Пултни-стрит, где были тепло встречены четой Алленов; Джеймс получил приглашение отужинать, а также оценить достоинства новой муфты и палантина миссис Аллен и угадать их цену. Предварительная договоренность с семьей товарища не позволила ему обещать погостить здесь подольше, и как только приличия были соблюдены, молодой человек поспешил в

обратный путь. Время встречи на балу уточнили, и Кэтрин со спокойной душой погрузилась в роскошь безумной, необузданной и пугающей фантазии, склонившись над страницами «Замка» и отрешившись от земных хлопот, связанных с ужином, выбором туалета и страхами миссис Аллен по поводу задержки портного, уделив разве что минутку для мысли о собственном счастье от того, что она уже получила ангажемент на весь вечер.

Глава 8

Несмотря на «Замок» и портного, семейство с Пултни-стрит поспело на бал аккурат вовремя. Торпы и Джеймс Морланд ждали их не больше пары минут, и Изабелла, с завидной тщательностью повторившая ритуал приветствия подруги, скрупулезно не забыв отметить удачный выбор платья и позавидовать особенно симпатичным локонам, взяла Кэтрин под руку и поспешила вслед за старшими компаньонками в зал, расточая по пути рукопожатия, любезности и улыбки.

Танцы начались почти сразу же, как только они уселись. Джеймс, как и его сестра, уже получивший ангажемент, долго и настойчиво приглашал Изабеллу подняться, в то время как Джон ушел к карточным столам поболтать с приятелем, и посему мисс Торп наотрез отказалась вставать до тех пор, пока ее дорогая Кэтрин не сможет к ним присоединиться.

— Ни за какие блага на свете я не встану без вашей милой сестры, ведь если я пойду танцевать, то мы, возможно, уже не увидим друг друга сегодня.

Кэтрин с благодарностью приняла этот знак преданности, и еще три минуты они просидели вместе, когда Изабелла, доселе щебетавшая с Джеймсом, повернулась, наконец, к его сестре и прошептала:

— Дорогая, боюсь, мне придется тебя покинуть: твой брат так настойчив и нетерпелив. Я знаю, ты не будешь против. Уверяю тебя, Джон вернется через минуту-другую, и тогда ты легко сможешь меня найти.

Кэтрин, слегка раздосадованная, была все же слишком великодушна, чтобы возражать, поэтому ей ничего не оставалось, кроме как пожать Изабелле руку,

выслушать ее «до свидания, моя любовь» и проводить взглядом удаляющуюся пару. Младшие сестры Торп тоже уже танцевали, и Кэтрин вверила себя заботам миссис Торп и миссис Аллен. Раздражение от того, что мистер Торп все еще не появился, нарастало, поскольку ей не просто хотелось танцевать, но ее терзала самая мысль о том, что для стороннего наблюдателя, не знавшего о полученном ею приглашении, она ничуть не отличалась от целого ряда девиц, сидя вздыхающих о так и не найденных кавалерах. Так низко пасть в глазах света, снести такой позор при ясности помыслов и невинности намерений — вот именно те испытания, которые непременно должна перенести истинная героиня, призвав на помощь стойкость и силу духа. И то, и другое имелось у Кэтрин в избытке, поэтому она страдала совершенно молча.

С такими мыслями об унизительности собственного положения, на десятой минуте бала девушка все же дождалась перемен к лучшему, увидев — нет — не мистера Торпа, но юного Тилни не далее чем в трех ярдах от ее кресла. Он шел навстречу, но, казалось, еще не заметил своей знакомой, поэтому румянец на щеках девушки вспыхнул и пропал, так им и не замеченный и не запятнавший достоинства настоящей героини. Молодой человек выглядел столь же очаровательно, сколь и в прошлый раз, и оживленно вел беседу с какой-то милой юной особой, державшей его под руку, в ком Кэтрин сразу и безошибочно узнала его сестру, а не собственную соперницу, грозившую разлучить их навеки. Думая лишь о вещах простых и вполне вероятных, мисс Морланд никогда не предполагала возможности того, что мистер Тилни уже мог быть женат. Он совершенно не походил на остальных женатых мужчин, которых она видела в своей жизни в большом количестве; сам он никогда о супруге не упоминал, но зато признал наличие сестры. Вот из таких составляющих Кэтрин тут же уверилась в том, что девушка рядом с ним — его сестра, поэтому вместо того, чтобы смертельно побледнеть и упасть без чувств на грудь миссис Аллен, она, напротив, выпрямилась, и на щеках ее вновь заиграла краска, пожалуй, немного ярче обычного.

Мистер Тилни и его спутница медленно продвигались вперед, когда путь им преградила какая-то дама, кажется, знакомая миссис Торп; они остановились и снова завели беседу, во время которой Кэтрин не сводила глаз с милого лица, и наконец была награждена, получив от него улыбку, когда тот ее узнал. Завидев новых знакомых, Тилни подошел к ним и был встречен миссис Аллен и миссис Морланд с учтивой любезностью.

— Так рада снова вас видеть, сэр. Я начала уже, было, думать, что вы покинули Бат.

Поблагодарив девушку за беспокойство, джентльмен сообщил, что действительно уехал на целую неделю сразу же на следующее утро после их памятного знакомства.

— Надеюсь, сэр, вы не жалеете о своем возвращении. Трудно придумать место, более подходящее для молодых людей, да и для остальных — тоже. Я всегда говорю мистеру Аллену, когда тот начинает ворчать на здешнюю скуку, что это очаровательный город, и что здесь гораздо приятнее, чем дома, особенно в такое мрачное время года. Мне кажется, ему просто повезло, что для поправки здоровья ему рекомендовали именно этот курорт.

— Я полагаю, мадам, мистер Аллен еще преисполнится благодарности к здешним водам, когда заметит, сколь лучше себя чувствует.

— Спасибо за такие слова, сэр, не сомневаюсь, так оно и будет. Наш сосед, доктор Скиннер, провел здесь прошлую зиму и вернулся домой очень бодрым и посвежевшим.

— Данный пример очень показателен.

— Да, сэр, доктор Скиннер со своей семьей прожил здесь три месяца, поэтому я и говорю мистеру Аллену, что нет никакой нужды торопиться обратно.

Здесь в разговор вступила миссис Торп, попросив миссис Аллен немного подвинуться, чтобы мисс Тилни и миссис Хьюс могли присесть рядом, если, конечно, те согласятся составить им компанию. Так дамы и поступили; мистер Тилни продолжал стоять и спустя несколько минут пригласила Кэтрин на танец. Каковы же были горечь и обида девушки, когда той пришлось отказаться от приглашения, поскольку в это самое мгновение перед ними появился мистер Торп. Легкость и небрежность тона, с которым он заметил, что заставил себя ждать, ни в коей мере не смягчили сердце Кэтрин, а подробный его отчет о разговоре с другом, о лошадях, охоте и обмене терьерами лишь удвоил досаду и разочарование, поэтому девушка безо всяких угрызений совести то и дело оборачивалась на ту часть зала, где стоял мистер Тилни. Драгоценной Изабеллы, которой подруге не терпелось показать того самого джентльмена, нигде не

было видно. Очевидно, она танцевала в другой фигуре. Сейчас мисс Морланд находилась вдалеке от всех своих знакомых, одно унижение следовало за другим, и из всей этой грустной истории она вынесла главный урок: заранее получить ангажемент на весь вечер вовсе уж не такая большая честь для юной леди. Вот в таком настроении Кэтрин неожиданно почувствовала чью-то руку на своем плече, обернулась и увидела миссис Хьюс и мисс Тилни в сопровождении какого-то джентльмена.

— Прошу прощения, мисс Морланд, за такую вольность, но я нигде не могу найти мисс Торп, а ее мать сказала мне, что вы ни в коей мере не станете возражать, если мы попросим вас принять в свою компанию эту юную особу.

Вряд ли миссис Хьюс сумела бы найти во всем зале человека, кто с большей радостью воспринял бы это предложение. Девушек представили, мисс Тилни поблагодарила Кэтрин за радушную встречу, а та в свою очередь поблагодарила судьбу за столь щедрый подарок. Миссис Хьюс, будучи вполне довольной удачно найденной компанией для своей юной подопечной, поспешила вернуться к оставленным ею приятельницам.

Мисс Тилни отличалась хорошей фигурой, милыми чертами лица и какой-то невозмутимостью: всем своим видом она олицетворяла стиль, который столь тщательно культивировала мисс Торп, и при этом поражала естественной элегантностью. В манерах ее ясно читалось благоразумие и хорошее воспитание, не было в них ни застенчивости, ни кричащей открытости. Ей удавалось в суетной мишуре бала сохранять очарование молодости, она не стремилась приковать к себе взгляды всех присутствующих мужчин, девушка не выражала клокочущий восторг или нескрываемое негодование, столь часто захватывающие молодых особ по всяким пустякам. Кэтрин, уже достаточно заинтересовавшаяся ею в свете ее внешности и родства с мистером Тилни, теперь сгорала от нетерпения познакомиться поближе и с готовностью заводила разговор, как только удавалось найти подходящую тему, имея на то и смелость, и желание. Однако, помехи, столь часто возникавшие на пути девушек, не позволили им продвинуться в своем знакомстве дальше дежурного обмена любезностями и впечатлениями от Бата и его окрестностей, а также ответов на вопросы друг друга относительно владения искусством живописи, пения, игры и конной выездки.

Не прошло и двух танцев, как Кэтрин почувствовала нежное пожатие руки. Ее преданная Изабелла, судя по всему, в прекрасном настроении, подошла и

воскликнула:

— Ну наконец-то я тебя нашла. Дорогая, я искала тебя, по меньшей мере, час. Скажи мне, Бога ради, что заставило тебя танцевать в этой фигуре, ведь ты же знала, что я была в другой. Без тебя я чувствовала себя так ужасно.

— Милая Изабелла, но как бы я тебя нашла, если я даже и след ваш потеряла.

— Вот именно об этом я и твердила твоему брату всю дорогу, но он мне не верил. «Подите и найдите мне ее, мистер Морланд», — говорила я, но все напрасно, он не сдвинулся ни на дюйм. Не так ли, мистер Морланд? Все мужчины так непростительно ленивы! Я так ему об этом заявила — так забавно! Но ты ведь знаешь, дорогая Кэтрин, в таких случаях я не церемонюсь.

— Посмотри-ка вон на ту особу с белым бисером на голове, — прошептала Кэтрин, отводя подругу в сторону от Джеймса. — Это сестра мистера Тилни.

— О небо! Неужели? Дай же мне на нее взглянуть. Ах, что за милое создание! Никогда не встречала девушки и наполовину столь же хорошенькой! Но где же ее всепобеждающий брат? Он здесь? Немедленно мне его покажи. Мистер Морланд, а вы не слушайте, мы говорим не о вас.

— Но о чем же тогда вы там шепчетесь? И что здесь вообще происходит?

— Ну вот, я всегда знала, что так оно и будет. Все мужчины так неуемны в своем любопытстве! Только и слышишь, что женщины любопытны — но при сравнении наше любопытство меркнет, доложу я вам. Но успокойтесь же, из того, о чем мы говорили, вас совершенно ничего не касается.

— Вы полагаете, я удовольствуюсь таким ответом?

— Определенно, никогда не встречалась с чем-либо подобным. Какое вам дело до нашего разговора? А может, мы вас сейчас обсуждаем, и поэтому я прошу нас не слушать — вдруг мы скажем что-нибудь не очень приятное.

Во время этой болтовни первоначальная тема обсуждения была давно забыта, и, хотя Кэтрин и не возражала против того, чтобы оставить Тилни ненадолго в

покое, и в целом была довольна таким поворотом событий, легкая тень подозрения промелькнула у нее в сознании: а правда ли Изабелле так уж не терпится увидеть мистера Тилни? Когда оркестр заиграл и объявили новый танец, Джеймс, преодолевая яростное сопротивление своей очаровательной спутницы, все же увел ее к танцующим.

— Говорю же вам, мистер Морланд, ни за что и никуда я не пойду. Как можете вы быть таким дерзким? Ты только послушай, милая Кэтрин, чего хочет твой брат: он решил, что я снова буду с ним танцевать, хоть я уже и напомнила ему о приличиях. Если мы не сменим партнеров, о нас пойдет столько пересудов!

— Помилосердствуйте, — возражал Джеймс, — в таких собраниях правила эти столь же часто нарушаются, сколь и соблюдаются.

— Чепуха. Как можете вы так говорить? Вы, мужчины, как только что-то вобьете себе в голову, больше уже ни о чем и не думаете. Милая Кэтрин, поддержи меня, убеди своего брата в полной моей правоте. Скажи ему, что для тебя будет настоящим ударом, если я снова стану танцевать с ним.

— Ну не преувеличивай уж так сильно. Но если ты думаешь, что это нехорошо, тогда вам следует непременно сменить партнеров.

— Вот! — воскликнула Изабелла. — Послушайте хотя бы, что говорит ваша сестра; впрочем, ее мнение, я вижу, вам совсем безразлично. Хорошо! Но запомните, в том нет моей вины, если назавтра все старухи в Бате поднимут невообразимый шум. Пойдем же с нами, добрая Кэтрин, чтоб мы были у тебя на виду.

Молодые люди отправились на свое прежнее место. Джон Торп, между тем, опять куда-то пропал, и Кэтрин, томимая желанием вновь увидеть мистера Тилни и снова испытать приятное волнение от его расспросов, отправилась к миссис Аллен и миссис Торп так быстро, как только могла, в надежде, что молодой человек все еще стоит на прежнем месте; увы, надежда эта не оправдалась

Миссис Торп, спеша с похвалой в адрес сына, поинтересовалась:

— Надеюсь, твой кавалер оказался приятным?

— Конечно, мадам.

— Я так рада. Джон великолепен, не правда ли?

— Ты видела мистера Тилни, дорогая? — спросил подопечную мистер Аллен.

— Нет, а где он?

— Да вот только что был здесь с нами, но, видимо, устал от скуки и отправился танцевать. Поэтому я тебя и спросил, не встретился ли он тебе по дороге.

— Куда же он мог подеваться? — беспокоилась Кэтрин, оглядываясь вокруг и в ту же минуту заметив мистера Тилни, который вел какую-то девушку на танец.

— Ах, у него уже есть партнерша!

— Как жаль, что это не ты, — вставила миссис Аллен, и после недолгого молчания добавила: — он такой приятный молодой человек.

— Вы правы, миссис Аллен, — довольно улыбнувшись, подтвердила миссис Торп. — Должна сказать, несмотря на то, что я мать ему, он и вправду самый приятный молодой человек на свете.

Столь неуместная реплика озадачила бы многих, но только не миссис Аллен, которая, поразмыслив несколько мгновений, прошептала на ухо Кэтрин:

— Она думает, что мы говорим о ее сыне.

Досада и отчаяние душили Кэтрин. В самый последний момент она упустила то, что так долго искала. Вскоре подошел Джон Торп.

— Я полагаю, мисс Морланд, нам следует снова пройтись в джиге.

— Ах, нет, — ответила барышня, все еще находившаяся в мрачнейшем расположении духа, — мы с вами танцевали уже дважды, я утомлена и больше танцевать не собираюсь.

— Неужели? Тогда давайте просто прогуляемся и посмотрим на людей. Я покажу вам самых больших чудаков в этом зале — моих младших сестер и их ухажеров, — я смеюсь над ними весь вечер.

И вновь Кэтрин извинилась, и молодой человек отправился смеяться над сестрами в одиночестве. Конец вечера принес сущие мучения: мистер Тилни не присоединился к ним во время чая, ухаживая на другом конце стола за своей новой партнершей. Джеймс и Изабелла были столь сильно увлечены собственной беседой, что у последней для подруги нашлось достаточно времени лишь на улыбку, поцелуй и единожды произнесенное «дорогая Кэтрин».

Глава 9

Последующие события того вечера лишь усилили горечь разочарования Кэтрин. Все в этом зале как-то вдруг ей опротивели, вследствие чего возникло стойкое желание поскорее отправиться домой. Приехав, наконец, на Пултни-стрит, девушка обнаружила, что страшно голодна; наевшись, она почувствовала слабость и дремоту. Как только Кэтрин легла, то сразу же погрузилась в глубокий сон, который длился не меньше девяти часов, и от которого она пробудилась в отличном настроении, бодрая и полная самых приятных надежд. Первым ее порывом было продолжить знакомство с мисс Тилни, и почти сразу же Кэтрин отчего-то подумалось, что она найдет ее в полдень, в бювете. Источник сулил встречу со всеми вновь прибывшими в Бат, а здешние залы уже зарекомендовали себя как самое подходящее место для демонстрации женских красот, для предания дружбе интимности и задушевности, для тайных интриг и безграничной доверчивости; поэтому Кэтрин вполне оправданно полагала найти в этих стенах еще одного друга. Таким образом, наметив себе план на утро, после завтрака она уселась за чтение, чтобы, как только пробьет час, отправиться на прогулку. На оставшееся до этого время девушка поручила себя миссис Аллен, чья полная неспособность по-настоящему думать была такова, что та никогда не говорила действительно много, но в то же время и не закрывала рта, поэтому, если, сидя за рукоделием, ей случалось потерять иголку, порвать нитку, услышать проезжающий по улице экипаж или заметить пятнышко у себя на платье, она тут же сообщала об этом вслух, и не важно, был ли при этом кто-нибудь в комнате, чтобы ей ответить.

Около половины первого пополудни какой-то особенно громкий шум заставил ее подойти к окну, и не успела она рассказать Кэтрин о двух открытых пролетках рядом с их подъездом, в одной из которых сидел лакей, а в другой мисс Торп и мистер Морланд на козлах, как по лестнице взбежал Джон Торп, оглашая весь дом криками:

— Мисс Морланд, а вот и я! Долго вы меня ждали? Мы не смогли раньше приехать; этот чертов каретник целую вечность затягивал гайки и болты, и все равно они расшатались, как только мы выехали на мостовую. Как поживаете, миссис Аллен? Знатный вчера был вечер, не правда ли? Ну давайте же, мисс Морланд, собирайтесь поскорее — всем не терпится поехать. Им страсть как хочется поскорее перевернуться.

— О чем это вы? — слегка ошарашено спросила Кэтрин. — И куда вы все едете?

— Куда? Господи, да неужели вы забыли о нашем уговоре? Вы же согласились покататься этим утром! Что за голова у вас, право слово! Мы едем в Клавертон-Даун.

— Да, кажется, вы что-то такое уже говорили, — произнесла Кэтрин и озадаченно взглянула на миссис Аллен, ища в той поддержки. — Но, сказать вам по правде, я вас совсем не ждала.

— Не ждали? Хорошенькое дельце! Представляю, что бы вы устроили, если б я не приехал.

Меж тем беззвучная мольба Кэтрин, обращенная к ее приятельнице, оказалась совершенно непонятой, поскольку миссис Аллен, не знавшая искусства разговора без слов, и понятия не имела, что кому-то такое знакомо. Поэтому Кэтрин, у которой к тому времени желание видеть мисс Тилни по силе своей сравнялось с желанием немного покататься с мистером Торпом, тем более, что вслед за ними поедут Джеймс с Изабеллой, вынуждена была без всяких обиняков обратиться к миссис Аллен.

— Ну же, мэм, что вы на это скажете? Позволите ли вы мне отлучиться на часок-другой?

— Дорогая, поступай, как знаешь, — ответила миссис Аллен с самым безмятежным равнодушием.

Кэтрин последовала ее совету и побежала одеваться. Через пару минут она вернулась, оставив дожидавшимся ее времени лишь на то, чтобы успеть произнести в адрес девушки пару комплиментов и вытянуть из миссис Аллен восторг по поводу экипажа. Получив напутствия и пожелания приятно провести время, молодые люди сбежали вниз.

— Моя дорогая, — зычно крикнула Изабелла, для которой дружба значила гораздо больше приличий, не дожидаясь, пока Кэтрин сядет. — Ты собиралась целых три часа. Я беспокоилась, не заболела ли ты. Что за чудный вечер был вчера! Мне надо обсудить с тобой тысячу вещей. Но поторопись же, я горю от желания тронуться в путь.

Согласно полученным указаниям, Кэтрин повернулась и пошла ко второму экипажу, но, очевидно, сделала это без должной прыти, поскольку успела услышать, как Изабелла воскликнула, обращаясь к Джеймсу: «Какая она все же славная! Я безумно ее люблю!».

— Вы, главное, не бойтесь, мисс Морланд, — предупредил Торп, подавая ей руку, — если поначалу лошадь начнет откидывать разные штучки. Скорее всего, она пару раз взбрыкнет, а может, и заупрямится, да будет стоять, как вкопанная. Но скоро я ей покажу, кто здесь хозяин. Конечно, кобыла она своенравная и игривая, но, уверяю вас, в ней нет порока.

Кэтрин такой портрет не очень-то обнадежил, но отступать было слишком поздно, а она казалась слишком молодой, чтобы позволить себе слабость действительно испугаться таких пустяков. Таким образом, вверив себя в руки судьбы, она села, а Торп устроился рядом с ней. Последние приготовления закончились, прозвучала команда «Трогай!», и оба экипажа покатили прочь, причем сделали это самым безобидным образом, без всяких там взбрыкиваний и прочих шалостей. Кэтрин, вздохнувшая теперь с облегчением, тут же вслух выразила свое благодарное изумление по поводу кротости животного, на что мистер Торп с предельной простотой и ясностью объяснил ей, что причиной тому — его похвальная манера держать вожжи, а также проницательность и ловкость, с которыми он действует хлыстом. Барышня, хоть и немного сбитая с толку, зачем при таком безупречном мастерстве надо было ее предупреждать о каких-то фокусах со стороны кобылы и как те вообще могли иметь место в

подобных обстоятельствах, все же искренне порадовалась за себя, будучи вверенной заботам такого отличного кучера.

Лошадь продолжала двигаться совершенно невозмутимо, не выказывая ни малейшей расположенности к неприятной оживленности (особенно принимая во внимание скорость в уже упоминавшиеся десять миль в час), и абсолютно не пугала, поэтому Кэтрин со спокойной душой предалась наслаждениям свежим воздухом, восхитительной прогулкой, чудесным февральским днем и ощущению полной безопасности. Несколько минут спустя молодые люди продолжили свой начатый было разговор, когда Торп неожиданно спросил свою спутницу:

— Старый Аллен, должно быть, богат, как еврей, не так ли?

Кэтрин поначалу его не поняла, и поэтому вопрос прозвучал вновь, на этот раз с необходимыми пояснениями:

— Ну, старый Аллен, с которым вы приехали.

— А! Вы имеете в виду мистера Аллена? Да, думаю, он очень богат.

— И совсем без детей?

— Да, совсем.

— Славный расклад для наследников. Он, часом, не ваш крестный?

— Мой крестный? Да нет же.

— Но вы проводите с ними столько времени.

— Да, достаточно.

— Вот это я и имел в виду. Он, кажется, славный старик, и в свое время хорошо пожил. И подагру его как-то не замечаешь. Свою бутылочку-в-день он, надеюсь, еще выпивает?

— Бутылочку-в-день! Господи, конечно нет. Почему вы об этом спросили? Он очень сдержанный джентльмен; не думаете же вы, что вчера на балу он был пьян?

— Святые угодники! Вечно вы, женщины, думаете, что мужчины напиваются. Отчего вы считаете, что мужчине для этого достаточно одной бутылки? Я уверен, если бы каждый человек выпивал свою бутылочку-в-день, не стало бы и половины тех безобразий, что царят сейчас в обществе. Это всем до одного пошло бы на пользу.

— Не могу в это поверить.

— Боже правый, тысячи людей нашли бы в этом спасение. В нашем королевстве не пьют и сотой доли от того, сколько следовало бы. Особенно принимая в расчет наш влажный и туманный климат.

— И все же, я слыхала, что в Оксфорде много пьют.

— В Оксфорде! Да если хотите знать, там не пьют вовсе. Вам не найти человека, который зараз выпивал бы больше четырех пинт. На последней вечеринке, к примеру, мы обнаружили, что у нас ушло около пяти пинт на душу, и все сочли это из ряда вон выходящим. Ни с чем таким, кроме как у меня, вы в Оксфорде больше не встретитесь. Теперь, надеюсь, вы имеете представление, как там обстоят дела с выпивкой.

— Да уж, — согласилась Кэтрин, — теперь я знаю, что вы пьете гораздо больше, чем я о вас думала. Но я уверена, Джеймс пьет меньше.

Это заявление вызвало бурю протестов со стороны молодого человека, причем настолько невнятных, что среди них ей удалось отчетливо разобрать лишь бесчисленные клятвы и заверения, и когда этот поток наконец-то иссяк, Кэтрин еще больше утвердилась в мысли, что в Оксфорде много пьют, и на общем фоне ее брат выделяется относительной трезвостью.

Вслед за этим монологом Торп вернулся к теме о достоинствах его экипажа, и Кэтрин снова была призвана восхититься резвостью и легкостью лошади, бесшумностью хода, а также мягкостью рессор. Насколько могла, она свой восторг выражала. Однако, опередить его мысль или остаться где-нибудь

позади оказалось невозможным. Его познания в предмете и полное ее невежество, его скороговорка и ее робость делали это нереальным. Девушка не имела шансов высказать собственную мысль по этому поводу, но с готовностью вторила собеседнику, и вскоре между ними установилось полное согласие относительно того, что этот экипаж в целом не имел себе равных во всей Англии по неоспоримым техническим достоинствам, лошадь, безусловно, являлась лучшим в мире рысаком, а сам Торп — лучшим в мире кучером.

— А не кажется ли вам, мистер Торп, — осведомилась Кэтрин, рискнувшая предложить некоторое разнообразие в их беседе, — что двуколка Джеймса скоро совсем развалится?

— Господи, еще бы! Да в ней нет ни одной крепкой детали. Колеса полностью износились еще лет десять том назад. Клянусь, вы могли бы ее сломать всего одним лишь легким прикосновением. Это самая чертовски жуткая развалина, которую я видел. Слава Господу, она нашей и в подметки не годится! Я не согласился бы проехать в ней и двух миль даже за пятьдесят тысяч фунтов.

— Боже милосердный, — испуганно воскликнула Кэтрин, — умоляю вас, давайте повернем назад. Если мы поедем дальше, с ними точно случится беда. Мистер Троп, да остановитесь же, наконец; поговорите с моим братом и скажите ему, что он в страшной опасности.

— Опасности! Господи, и что же? Случись их бричке сломаться, они просто из нее выпадут; на дороге столько грязи — клянусь, это будет отличное зрелище. Предупредить его! Тот экипаж достаточно прочный, особенно, если он в хороших руках, чтобы прослужить еще лет двадцать. Бог свидетель, за пять фунтов я проехал бы в нем до Йорка и обратно и не потерял бы при этом ни одного гвоздя.

Кэтрин слушала его, застыв от изумления. Она никак не могла взять в толк, как же связать воедино два таких разных отзыва об одной и той же вещи. Не понимала она, как сильна может быть в человеке склонность к болтовне и сколько лживых заверений звучат лишь от избытка тщеславия. Родители ее были людьми простыми и бесхитростными, и самое большее, что они могли себе позволить — это каламбур или пословицу; посему расположенность ко лжи за ними не водилась, и они никогда не опровергали того, что произнесли минуту назад. В некотором недоумении еще раз обдумав его слова и собравшись было попросить собеседника дать более четкие объяснения, Кэтрин все же

передумала, решив отказать мистеру Торпу в способности ясно мыслить. А приняв во внимание тот факт, что его совершенно не волновало возможное несчастье с его сестрой и другом, она сочла, что молодой человек прекрасно понимал, что те в полной безопасности, и, таким образом, полностью успокоилась. Сам же молодой Торп, казалось, уже и думать забыл о том, что мгновение назад доказывал с такой горячностью, и поэтому остаток разговора, или, скорее, монолога, он, как и в самом начале, посвятил своим собственным заботам. Джентльмен рассказывал спутнице о лошадях, которых покупал за бесценок и впоследствии продавал втридорога; о бегах, на которых его знания предмета безошибочно указывало ему на фаворита; об охоте, на которой он подстрелил больше птиц (не будучи при этом в хорошей форме), чем все остальные вместе взятые; Джон подробно описал ей день, когда благодаря его чутью, сноровке и везению он так удачно натравил легавых, что исправил тем все ошибки, допущенные самыми маститыми охотниками, и когда благодаря своему безупречному сидению в седле он, ни на йоту не подвергая собственную жизнь опасности, постоянно ставил в самые затруднительные положения остальных всадников, добавив в заключении, что многие из них сломали тогда шеи.

Не имея привычки судить окружающих, а также не составив себе четкого и полного портрета настоящего мужчины, Кэтрин так и не поколебалась во мнении, что мистер Торп — очень милый молодой человек. Конечно, смутные подозрения ее уже посетили, но он был братом Изабеллы, а Джеймс заверил ее когда-то, что такая партия, как его друг, составит честь любой девушке — все это так, но, несмотря на эти доводы, по прошествии часа его компания утомила ее до смерти, и, когда они вновь приехали на Пултни-стрит, та все же пренебрегла авторитетным мнением брата и сочла за благо не поверить в то, что Джон способен бросить к ногам своей избранницы все удовольствия во Вселенной.

Когда показался дом миссис Аллен, удивлению Изабеллы, обнаружившей, что для визита к подруге уже слишком поздно, не было предела. Три часа дня! — немыслимо, невероятно, невозможно! Она не поверила ни собственным часам, ни часам брата, ни лакея. Она не приняла ничьи заверения и не могла внять голосу разума до тех пор, пока Джеймс не достал свои часы и не подтвердил этот факт; сомневаться дальше было бы столь же немыслимо, невероятно и невозможно, поэтому ей ничего не оставалось делать, кроме как снова и снова изумляться тому, что никогда раньше два с половиной часа не пролетали так быстро. Кэтрин призвали в свидетели; та не могла лгать даже ради удовольствия подруги, поэтому последняя не стала дожидаться жестокого

подтверждения истины. Острая досада захлестнула ее от того, что пора было прямиком отправляться домой. — Столетия прошли с тех пор, как в последний раз ей удалось переброситься парой слов с ненаглядной Кэтрин, тысячи мыслей остались невысказанными, и все походило на то, что им уже никогда не суждено снова всласть поболтать наедине. С улыбкой превозмогая такое несчастье и смеясь над невообразимым отчаянием, Изабелла послала свое «адью» подруге и укатила прочь.

Войдя домой, Кэтрин обнаружила, что миссис Аллен, проведшая целое утро в суетливом безделии, только что вернулась и была очень рада увидеть свою подопечную.

— А, дорогуша, вот и ты, — произнесла она, желая тем самым положить начало оживленному разговору, — надеюсь, вы хорошо провели время на воздухе?

— Да, мэм, благодарю. Лучше и быть не могло.

— Миссис Торп так мне и сказала. Она так порадовалась, что вы все наконец-то выбрались на природу.

— Так вы встречались с миссис Торп?

— Да; как только ты уехала, я отправилась в бювет и там с ней повстречалась. Мы так славно поговорили. Она сказала, на рынке этим утром почти не было хорошей телятины — это так необычно.

— А кого-нибудь еще из знакомых вы видели?

— Мы решили свернуть на Кресцент и там столкнулись с миссис Хьюс и мистером и мисс Тилни.

— Правда? Вы с ними разговаривали?

— Да, мы гуляли вместе полчаса. Они все же такие милые люди. Мисс Тилни была в восхитительном пестреньком платье. Из всего, что я уже видела, мне кажется, у нее прелестный вкус. Миссис Хьюс так много рассказывала нам о своей семье!..

— И что же она рассказала?

— О, всего и не упомнишь — ведь больше она ни о чем и не говорила.

— Она сказала вам, из какой части Глостершира приехала?

— Да, кажется, но я уж не помню. Но все они очень милые люди, и очень богатые к тому же. Миссис Тилни, в девичестве Драммонд, была ее одноклассницей и унаследовала целую кучу денег. Когда она вышла замуж, отец дал ей двадцать тысяч и еще пятьсот фунтов сверх того на подвенечный убор. Миссис Хьюс сама его видела, когда тот забирали из мастерской.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dzheyn-osten/nortengerskoe-abbatstvo-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить